

И эти изменения, кажется, начались после его последнего визита.

*

— Весело? — спросил Се Цзыцзин.

Цинь Гэ, держась за голову, несколько минут не мог вымолвить ни слова.

У него ужасно болела голова. «Море сознания» Се Цзыцзина было в порядке, и он не понимал, почему ему тоже так плохо.

Сильное головокружение и нарастающая нервная головная боль подавляли действие ингибиторов. Цинь Гэ чувствовал, как защитный барьер, окутывавший его, исчезает, и он постепенно оказывается в пространстве, полностью пропитанном аурой Се Цзыцзина.

Даже его кролик, забыв о страхе и странных слезах, зарылся в гриву берберийского льва, весело катаясь в ней.

Лев, прищутив глаза, лежал на полу, а кролик устроился в пространстве между его передними лапами, почти полностью скрытый густой гривой, выглядывая из золотистой шерсти только глазами, носом и ртом, с интересом наблюдая за Цинь Гэ.

Цинь Гэ чувствовал его возбуждение. Но он только хотел, чтобы это прекратилось!

Необъяснимое возбуждение духовной сущности передалось ему, и он уже не мог смотреть на происходящее с холодным равнодушием.

Заметив его состояние, Се Цзыцзин не подошел ближе. Он сидел на другом конце дивана, хмурясь и потягивая охлажденный Ред Булл.

Цинь Гэ покраснел, вспомнив слова Се Цзыцзина: это взаимно. Он чувствовал ауру Се Цзыцзина, и Се Цзыцзин тоже чувствовал его.

Головокружение не позволяло ему рискнуть и сразу отправиться домой. Цинь Гэ встал, изо всех сил стараясь сохранить серьезное выражение лица, перешагнул через льва и подошел к панорамному окну.

Ночь была слишком темной, и свет городских окон висел в темноте. Цинь Гэ прижал лоб к стеклу, и через мгновение прохлада проникла в его разгоряченный мозг, наконец успокоив его.

Его кролик был счастлив. Цинь Гэ почувствовал легкую грусть: с одной стороны, он радовался его радости, с другой — считал, что тот предал его.

Он сел на подоконник, опершись на холодное стекло, и, повернувшись к Се Цзыцзину, спросил:

— Ты все еще не открыл мне шкаф.

Се Цзыцзин сделал вид, что удивлен:

— Значит, наши чувства еще недостаточно глубоки.

Он допил свой напиток, взял банку Цинь Гэ и подошел к нему, сев на подоконник, но намеренно держась на расстоянии.

Цинь Гэ вспомнил о букете в третьем ящике.

Ему вдруг захотелось задать Се Цзыцзину другие вопросы, не связанные с его странным «морем сознания», но касающиеся его самого.

— Что ты обычно делаешь, когда возвращаешься домой?

Се Цзыцзин взял хвост льва и стал играть с пушистым кончиком:

— Читаю, играю, сплю.

— Знаком с соседями?

— Нет. — Се Цзыцзин задумался, а затем улыбнулся. — Но с бабушками и дедушками внизу мы уже хорошо знакомы.

— ...Бабушки и дедушки?

— Они очень разговорчивые и не считают мои вопросы странными. — Се Цзыцзин поправил волосы. — И я красивый, им нравится со мной болтать.

Цинь Гэ подумал, что он странный:

— Тебе нравится болтать с бабушками и дедушками? В Кризисном бюро ты тоже, кажется, хорошо знаком с дедушкой из приемной.

— Со всеми могу, мне нравится общаться. — Се Цзыцзин отпустил хвост льва и уставился на огни в ночи. — После переезда сюда я не люблю возвращаться домой. Дома никого нет, и нет звуков разговоров.

Он рассказал, что в Западном управлении он провел слишком тихие и долгие годы. Там было мало людей, а он был слишком выдающимся, поэтому его часто отправляли на сложные задания, где он месяцами жил в одиночестве в горах.

— Холодно было. — Се Цзыцзин вздрогнул. — Поэтому я люблю длинношерстных животных. Каждого кролика и их детенышей в горах я знал, и никто не мог ускользнуть от меня.

— ...И поэтому ты пошел болтать с бабушками и дедушками? — спросил Цинь Гэ. — Но они же не могут все время с тобой разговаривать.

Се Цзыцзин усмехнулся:

— Если не с кем поговорить, я говорю со своим львом.

Он постучал пальцем по стеклу.

В те ночи, когда не находилось собеседника, он сидел у окна со своим львом, наблюдая за огнями в окнах домов напротив, и придумывал истории для людей, двигающихся в этих огнях.

Отец, отругавший ребенка, стучал в дверь его комнаты с палочкой тангхулу; усталый офисный работник, вернувшись домой, сначала гладил кота или собаку, а затем садился за работу; старушка, любившая петить на балконе, имела мужа с плохим слухом, что было идеальным сочетанием.

Се Цзыцзин указывал на окна, постепенно, то ли намеренно, то ли случайно, приближаясь к Цинь Гэ.

Цинь Гэ слушал внимательно. Дебаты в его сердце стихли, и все маленькие человечки на сцене хором произносили, словно рекламный слоган: «О, сердце Сяо Цинь смягчилось».

Он слишком легко поддавался мягкости по отношению к Се Цзыцзину. Это было опасно. Цинь Гэ смотрел на профиль Се Цзыцзина, чувствуя, как аура, подобная горячему ветру, опутывает его руки и ноги. Он не мог двигаться. Он знал, что сейчас нужно Се Цзыцзину. Немного утешения, немного полунастоящей нежности, немного тепла в холодной ночи.

Когда Се Цзыцзин наконец повернулся к Цинь Гэ с близкого расстояния, тот вдруг понял причину его потребности — он все еще считал свое «море сознания» неприятным и отвратительным, думая, что Цинь Гэ будет его ненавидеть. Он был грустным, но стеснялся сказать об этом. Он медленно приближался к Цинь Гэ, нуждаясь в том, чтобы тот, как и в тот день, прямо сказал ему: «Нет, это не отвратительно».

— ...Я начну отсчет с трех, — тихо сказал Се Цзыцзин.

Цинь Гэ подумал, что это не нужно. Он раскрыл руки, чтобы обнять Се Цзыцзина.

Но Се Цзыцзин явно понял его неправильно. Он тут же приблизился и, подобно своему льву, нападающему на добычу, быстро и точно поцеловал Цинь Гэ в губы.

Цинь Гэ почувствовал, будто внутри него взорвалась шахта, кровь закипела, и даже нервы, поддерживающие его ясность, начали пылать.

Когда сознание вернулось к нему, он уже полностью погрузился в поцелуй Се Цзыцзина.

Он никогда не знал, что его нёбо и язык настолько чувствительны. Язык Се Цзыцзина вторгался и грабил его внутренности, вызывая дрожь, которая была сильнее любой зубной боли, которую он когда-либо испытывал.

Се Цзыцзин касался его волос, подушечки пальцев скользили по коже головы Цинь Гэ. В промежутках между поцелуями Цинь Гэ вдруг задрожал, будто Се Цзыцзин касался его костей, сосудов и всех нервов, которые должны были быть скрыты под кожей.

Могущественный Страж через поцелуй вытягивал из него все тайны, которые он не хотел показывать другим.

Аура, подобная горячему ветру, бешено пронеслась по «морю сознания» Цинь Гэ, и он был захвачен безудержным чувством обладания.

Се Цзыцзин облизал губы, намереваясь использовать этот поцелуй для дальнейшего завоевания. Его пальцы скользнули под воротник Цинь Гэ, наконец достигнув кожи под одеждой.

Его лев вдруг зарычал. Цинь Гэ резко изменился в лице и схватил Се Цзыцзина за запястье.

— Мм? — Он поцеловал руку Цинь Гэ.

— Подожди... остановись!

Се Цзыцзин посмотрел на себя и Цинь Гэ, решив, что сейчас не лучшее время для остановки.

— Кролик вернулся. — Цинь Гэ взглянул на льва, который спокойно вылизывал лапу. — Почему твой лев укусил его за ухо?

Се Цзыцзин...

Все шло как нельзя лучше, но было прервано. Се Цзыцзин погрозил льву кулаком. Лев сохранял спокойствие, и Цинь Гэ даже подумал, что тот фыркнул.

Это была привычка льва Се Цзыцзина. Он точно отражал эмоции хозяина, включая его желания.

— Ты испортил мне все... — шепотом отругал Се Цзыцзин, дергая льва за гриву. — Я много раз говорил тебе: если хочешь укусить другую духовную сущность из-за симпатии, замени «укус» на «лизни», понял?

Лев оставался неподвижным, закончив вылизывать лапу и приступив к умыванию.

— Это же не настоящая шерсть, зачем тебе мыться? — Се Цзыцзин схватил его за золотистую гриву. — Эй?

— Он тебя не слушает? — Цинь Гэ вышел из ванной, стараясь сохранить хладнокровие.

Се Цзыцзин заметил, что он снова окутался аурой отстраненности.

— Возвращаешься? — спросил он.

— Возвращаюсь. — Цинь Гэ почесал голову, с трудом добавив:

— Ээ... То, что произошло сегодня вечером, пожалуйста, считай, что это была наша ошибка.

<http://bllate.org/book/15560/1384609>